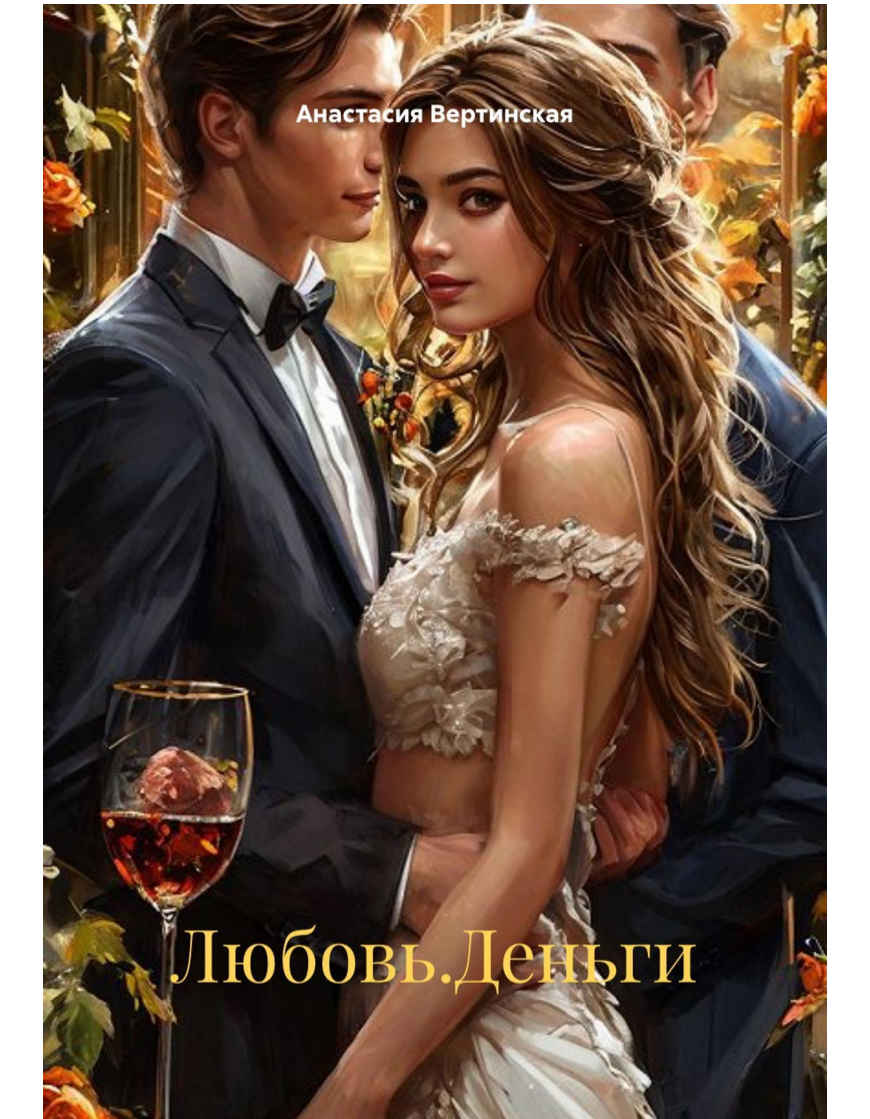

A romantic couple in formal wear. The man is in a dark tuxedo with a bow tie, and the woman is in a white, ruffled, off-the-shoulder dress. They are standing close together, looking at each other. In the foreground, there is a glass of red wine with a rose petal. The background is decorated with autumn leaves and flowers.

Анастасия Вертинская

Любовь. Деньги

Анастасия Вертинская

Любовь.Деньги

<https://litres.ru/73795542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она бедная отличница, которая пробилась в элитный университет на бюджете.

Он наследник семейного состояния, которому всё позволено.

Их первая встреча закончилась скандалом. Он пролил вино на её платье. Она назвала его ничтожеством при всех гостях.

На следующий день её вызвали к ректору. Заявление об отчислении уже лежало на столе.

Но почему он не дал её отчислить? Почему его взгляд задерживается на ней дольше, чем следует?

Между ними два слова. И выбор, который изменит всё.

Любовь.Деньги.

Содержание

Глава 1. «Я прошла!»	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	48
Глава 5	68

Анастасия Вертинская

Любовь.Деньги

Глава 1. «Я прошла!»

Тера влетела в кухню с телефоном в руке. Её глаза сияли, а улыбка была такой широкой, что, казалось, не помещалась на лице.

— Мама! Папа! Пришли результаты экзамена!

Она подпрыгнула на месте и закричала так громко, что задребезжали чашки в шкафу:

— Я прошла! Я смогла! Я поступила! Ура-а-а!

Мама выронила полотенце. Папа отложил газету. А потом они оба рассмеялись и одновременно шагнули к дочери.

Мама обняла её первой, прижала к себе крепко-крепко, как в детстве.

— Мы знали, что ты сможешь, — сказала она тихо, но с

таким теплом, от которого у Теры защипало в глазах. — Мы очень гордимся тобой, доченька.

Папа подошёл следом, положил руку на плечо и посмотрел серьёзно, но в уголках его глаз блеснули слёзы.

— Ты у нас большая умница, — сказал он голосом, который чуть-чуть дрожал от гордости. — На тебя большие надежды, Тера. Мы многое в тебя вложили. Смотри, не подведи.

— Не подведу, — прошептала Тера.

— Учись хорошо, — добавила мама, вытирая глаза фартовым. — А когда начинается учёба?

— На следующей неделе, — ответила Тера. — В понедельник.

Мама и папа переглянулись. В этом взгляде было всё: и радость, и страх отпустить, и тихая грусть от того, что их девочка уже взрослая.

Прошла неделя. Слишком быстро, как всегда бывает пе-

ред важным днём.

Чемодан стоял у порога. Старый, серый, с потёртыми углами и колесиком, который подклинивал, если его сильно разогнать. Мама трижды перепроверила всё внутри.

— Ничего не забыла? Всё взяла? — спросила она в четвёртый раз.

— Всё, мам, — терпеливо ответила Тера. — Всё взяла.

— Тетради? Ручки? Тёплая кофта? А вдруг там холодно ночью? А зарядку от телефона?

— Ма-а-ам.

— Ладно, ладно.

Мама вздохнула и вдруг шагнула вперёд, обняла Тера так, будто та уезжала на край света.

— Мы будем скучать, — прошептала она.

Подошёл папа. Он не любил долгих прощаний, но сейчас не сдержался — обнял дочь одной рукой, а второй крепко сжал её ладонь.

— Мы тебя очень любим, — сказал он просто. — Как приедешь — сразу позвони нам. Хорошо?

— Хорошо, пап.

— И учись хорошо.

Тера кивнула, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

— Я вас тоже очень люблю, — сказала она. — И я вас не подведу.

Она подхватила чемодан и направилась к выходу.

Обернулась у двери. Мама и папа стояли рядом. Их взгляд был странным — с тоской и гордостью одновременно. Мама кусала губу, чтобы не заплакать. Папа молчал, но его глаза говорили больше, чем любые слова.

Тера улыбнулась им на прощание, вышла на улицу и села в машину.

Машина тронулась. Дом остался позади.

Тера сидела на заднем сиденье и смотрела в окно. Дома, деревья, машины — всё мелькало, сливалось в одно серое пятно. Она не видела этого. Она была далеко.

Воспоминание.

Два года назад. Вечер. Маленькая кухня, где едва помещались двое.

— Тера, дочка, иди сюда, — мама сидела за столом с блокнотом и ручкой. Её пальцы были красными — она только что вернулась со смены в больнице. Полдня на ногах, тяжёлые пациенты, но она не жаловалась. Никогда.

— Что, мам?

— Садись, — мама пододвинула к ней лист. — Я посчитала. Если мы с папой будем откладывать, то через три месяца у нас будет \$500 на репетитора по математике. Этого хватит на полгода занятий.

— \$500? — Тера посмотрела на маму. — Мам, это же огромные деньги. У нас нет столько.

— Ничего, — мама улыбнулась, но улыбка вышла уста-

лой. — Я возьму дополнительные смены. А папа договорился на стройку по субботам и воскресеньям. Мы справимся.

— Но вы же устаёте... Вы почти не спите.

— Тера, — мама взяла её за руку. — Мы справимся. У тебя талант. Ты умная. Ты должна учиться. Должна получить профессию, чтобы у тебя была нормальная жизнь. Не такая, как у нас.

Тера почувствовала, как защипало в глазах.

— А если у меня не получится?

— Получится, — мама сжала её ладонь. — У тебя всё получится. Ты только обещай, что будешь стараться.

— Обещаю, — прошептала Тера, чувствуя, как по щеке скатилась слеза.

Воспоминание сменяется другим.

— Тера, ты чего застыла? — папа стоял в дверях её комнаты, вытирая руки тряпкой. Он только что вернулся со стройки — на лице усталость, под глазами тени, но голос бодрый.

— Ничего, пап. Просто думаю.

— О чём? — он зашёл, сел на край кровати. Кровать скрипнула под его тяжестью. Он был широкоплечим, сильным, но сейчас выглядел старше своих лет.

— Боюсь, что не сдам экзамены, — призналась Тера. — Боюсь, что вы столько работали, а я... подведу.

— Глупости, — папа усмехнулся. — Ты у меня боец. Помнишь, как в первом классе ты боялась читать перед всем классом? А потом вышла и прочитала лучше всех.

— Это другое.

— Это то же самое, — папа положил свою большую, шершавую ладонь на её плечо. — Ты боишься, потому что тебе не всё равно. А тот, кому всё равно, тот не боится. И тот ничего не добивается. А ты добьёшься.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я тебя знаю, — он улыбнулся. — И потому что мы с мамой в тебя верим. Мы столько работаем не просто так. Мы работаем, чтобы у тебя был шанс. А ты уж не упусти его.

— Не упущу, — твёрдо сказала Тера.

— Вот и умница, — он встал, и кровать с облегчением выдохнула. — А теперь — за учёбу. У тебя ещё тест по английскому?

— Да.

— Иди. А я ужинать.

Воспоминание тает.

Тера моргнула. За окном всё ещё мелькали дома. Она снова была здесь, в машине, которая везла её в новую жизнь.

Она сжала край куртки.

«Я не подведу их», — подумала она. — «Я не имею права. Они столько работали. Столько вложили. Я должна. Обязана».

Она посмотрела на свои руки. Обычные руки. Но на них — их надежды.

— Я справлюсь, — прошептала она еле слышно. — Я

должна.

Машина остановилась.

— Приехали, — сказал таксист.

Тера подняла глаза и замерла.

Университет журналистики «Голден Куилл» был похож на королевский дворец. Огромные кованые ворота, украшенные золотыми буквами, вели на территорию, которая больше напоминала парк, чем учебное заведение. Дорожки из светлого камня тянулись в разные стороны, огибая аккуратно подстриженные газоны и клумбы с яркими цветами. В центре двора бил фонтан — высокая струя воды сверкала на солнце, а вокруг него были расставлены скамейки из тёмного дерева.

Главное здание возвышалось вдали. Оно было выстроено из стекла и белого мрамора, с огромными панорамными окнами, в которых отражалось небо. Колонны у входа напоминали античный храм, а широкие лестницы вели к массивным дубовым дверям. Над центральным входом висел герб университета — раскрытая книга, поверх которой было изогну-

то перо, и девиз на латыни: «Veritas et Libertas» — «Истина и свобода».

Справа от главного корпуса виднелось здание поменьше — с вывеской «Библиотека имени Эрнеста Хемингуэя». Слева — современный спортивный комплекс со стеклянными стенами, через которые было видно, как внутри кто-то играет в теннис. А чуть дальше, за деревьями, угадывались очертания общежитий — элегантных зданий в том же стиле, что и главный корпус.

Из машин с тонированными стёклами выходили студенты. Дорогие куртки, лоферы без единой пылинки, телефоны последней модели. Они переговаривались, смеялись, и никто — никто — не тащил свой чемодан сам. Для этого были носильщики в униформе: парни в синих пиджаках с золотыми пуговицами, которые вежливо улыбались и катили багаж за своими хозяевами.

Тера опустила взгляд на свой серый чемодан с подклеенным скотчем углом. Потом подняла глаза на студентов.

Она не сразу заметила, но некоторые из них смотрели на неё. Не так, чтобы прямо. Скорее — искоса. Бегло. Сверху вниз.

Один парень в белой рубашке что-то шепнул девушке в идеальном пальто. Та усмехнулась.

«Ещё одна на бюджете», — не услышала, но прочитала по губам Тера.

Она сжала ручку чемодана так сильно, что побелели костяшки.

«Я не подведу их», — снова всплыло в голове. — «Я не имею права».

Здесь мне будет нелегко, — подумала Тера.

Но она не отвела взгляда.

Вдохнула глубоко, расправила плечи и шагнула вперёд, прямо через эти золотые ворота.

Конец первой главы.

Глава 2

Глава 2. «Здесь очередь»

Холл университета встретил Теру мраморными полами и хрустальными люстрами. На стенах висели картины в тяжёлых рамах — такие Тера видела только в музеях. Приятные бежево-золотые тона создавали ощущение дороговизны, но почему-то не тепла.

В воздухе висело напряжение.

Студенты толпились у стойки регистрации. Кто-то смеялся, кто-то обсуждал каникулы.

— Мы с родителями летали на Мальдивы, — говорила одна девушка, поправляя идеальные волосы. — Там такие виллы на воде, ты просто обязана съездить.

— А мы в этом году открыли для себя Швейцарию, — вторила другая. — Катались на лыжах. Правда, трассы в Куршавеле в этом году так себе...

Тера стояла с чемоданом и слушала. Мальдивы. Куршавель. Виллы на воде.

Она вспомнила, как этим летом помогала маме на огороде и красила с папой забор на даче.

Я здесь чужая, — подумала Тера. — Я не в своей тарелке.

Она опустила взгляд и уставилась в пол, пытаясь не слушать эти разговоры.

Вдруг кто-то попытался пройти мимо очереди. Мимо Теры.

— Дай пройти! — раздался грубый голос откуда-то сбоку.

Тера не подняла головы. Она вдруг провалилась в свои мысли:

«Мне здесь будет тяжело... Я боюсь, что не справлюсь. И разочарую родителей...»

— Ты слышишь меня?! — голос стал громче. Резче. — Дай пройти!

Тера вздрогнула и подняла голову.

Прямо перед ней стоял парень.

Дорогой костюм сидел на нём идеально. Белая рубашка без единой складки. Аккуратная стрижка. И взгляд — такой, будто всё вокруг принадлежит ему.

— Здесь очередь, — спокойно сказала Тера.

— Ты что, глухая? — парень даже не улыбнулся. — Дай мне пройти.

Только она открыла рот, чтобы ответить, как он толкнул её плечом — и прошёл вперёд, даже не обернувшись.

Вокруг засмеялись.

Кто-то одобрительно хмыкнул. Кто-то покачал головой, но промолчал.

У Теры внутри всё вскипело.

— Ты что, сума сошёл? — крикнула она ему в спину. — Кем себя возомнил?

Но парень даже не обернулся. Словно она была пустым местом.

— Вот нахал, — выдохнула Тера, провожая его взглядом.

— Это Итан Картер, — раздался голос сбоку.

Тера повернулась. Рядом стояла девушка. Идеальный макияж. Идеальная причёска. Дорогая одежда, которая смотрелась на ней так же естественно, как на Тере — старый джинсовый комбинезон.

— Один из лучших студентов, — продолжила девушка.
— Учится на бизнес-факультете. Его отец — один из самых влиятельных людей в городе. Ему лучше не переходить дорогу.

— Его статус не означает, что ему позволено так себя вести по отношению к другим, — ответила Тера.

Девушка пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

— Может быть. Я Бетти. А тебя как зовут?

— Тера.

— Тера, — повторила Бетти, внимательно оглядывая её.
— Ты новенькая?

— Да.

— На какой факультет поступила?

— Журналистика.

Бетти одобрительно кивнула.

— Неплохо. Слушай, — сказала она, понизив голос. — Мою соседку отчислили на прошлой неделе. Я теперь одна в комнате. И, честно говоря, мне надоело быть одной.

— Почему отчислили? — спросила Тера.

Бетти отвела взгляд.

— Долгая история. Скажем так — она перешла дорогу не тем людям. А я... — она запнулась. — Я не хочу снова жить с кем-то из «нашего круга». Все эти девочки... они только и делают, что сплетничают и смотрят, кому бы нож в спину вставить.

Тера слушала, не перебивая.

— А ты, — Бетти посмотрела на неё внимательно, — ты

другая. Я вижу. Ты не станешь играть в эти игры. Ты даже Итану не побоялась ответить. Это дорогого стоит.

— Я просто сказала правду, — ответила Тера.

— Вот именно, — Бетти улыбнулась. — Правду. Здесь это редкость. Слушай, — она понизила голос. — Хочешь, договорюсь — будешь со мной жить? Комната большая. Кровати отдельные. Свой санузел. И мне не придётся притворяться с очередной «подругой», которая на самом деле ждёт, когда я оступлюсь.

Тера растерялась.

— Я не знаю... Я на бюджете. Я не смогу платить за...

— Ничего платить не надо, — перебила Бетти. — Комната уже оплачена. Отцом. До конца года. Ему всё равно, с кем я живу. Главное, чтобы я не позорила фамилию.

Она усмехнулась, но усмешка вышла грустной.

— А ты меня точно не опозоришь. Ты слишком честная для этого.

Тера молчала. В голове крутились мысли.

Богатая девочка, которой надоели богатые подруги. Которая ищет кого-то настоящего. Может, это шанс?

— Идём, — Бетти взяла её за руку. — Я всё устрою.

Они подошли к стойке администратора. Бетти что-то быстро сказала женщине за стойкой, та кивнула, посмотрела на Теру, что-то проверила в компьютере и тоже кивнула.

— Всё, — Бетти повернулась к Тере. — Идём, покажу нашу комнату.

Комната оказалась невероятной.

Две большие кровати с белоснежным постельным бельём. Письменные столы у окна. Мягкий ковёр на полу. И даже небольшой диванчик у стены.

— Ух ты... — выдохнула Тера. — У тебя тут красиво.

— Ещё бы, — усмехнулась Бетти. — Это же «Голден Ку-

илл».

Она начала показывать комнату: где полотенца, где розетки, как работает кондиционер, в каком шкафу лучше хранить обувь.

— Добро пожаловать, — сказала Бетти в конце. — Разбей вещи.

Тера открыла чемодан и начала раскладывать свои вещи на полки. Джинсы, свитера, пара книг — ничего лишнего. Рядом с платьями Бетти её скромные джинсы и свитера выглядели... бедно.

— Ты на каком курсе? — спросила Тера, чтобы отвлечься.

— На втором, — ответила Бетти, лениво листая телефон.

— А я на первом...

Повисла пауза.

— Ты на бюджете? — вдруг спросила Бетти.

Тера опустила глаза.

— Да.

Бетти ничего не ответила. Просто кивнула и снова установилась в телефон.

Тера почувствовала укол стыда. Но она быстро прогнала это чувство.

Я не стыжусь того, что я из простой семьи, — подумала она.

Когда вещи были разложены, Тера достала телефон и набрала родителей.

— Мам, привет.

— Терочка! — голос мамы звучал взволнованно. — Как ты добралась? Всё в порядке?

— Всё хорошо, мам. Я уже в комнате.

— А соседка? Хорошая девочка? — спросил папа, подключившись по громкой связи.

— Да, её зовут Бетти. Она очень милая. Показала мне всё, помогла заселиться.

— Ну и отлично, — голос папы стал теплее. — А учиться там как? Сложно?

— Ещё не началось, пап. Завтра первый день.

— Ты только не переживай, — сказала мама. — У тебя всё получится. Ты у нас умница.

— Я постараюсь, — Тера улыбнулась, хотя внутри всё сжималось от страха.

— Мы уже скучаем, — добавила мама. — Ждём тебя на каникулы.

— Я тоже скучаю. Передавайте привет бабушке.

— Обязательно. Учись хорошо, дочка, — сказал папа. — Мы в тебя верим.

— Хорошей учебной недели, Терочка, — мама поцеловала трубку. — Звони, если что.

— Позвоню. Я вас люблю.

— И мы тебя.

Тера положила трубку и выдохнула.

— Родители? — спросила Бетти из-под одеяла.

— Да.

— Ты с ними очень мило говоришь, — заметила Бетти.

— Мои просто деньги переводят и всё.

Тера не знала, что на это ответить.

— Слушай, — сказала она, чтобы сменить тему. — Может, прогуляемся по двору? Расскажешь, как здесь всё устроено?

Бетти отложила телефон.

— А почему нет? Пойдём.

Они вышли во двор. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая здание университета в золотистый цвет.

— Это главный корпус, — показывала Бетти. — Там библиотека, столовая и спортивный зал. Вон то здание слева — бизнес-факультет, тебе туда не надо. А справа — наш, журналистика.

— А где студенты отдыхают? — спросила Тера.

— Есть лаунж-зона на втором этаже, — сказала Бетти. — С кофейней, боулингом, бильярдом и мягкими креслами. Но туда пускают только по пропускам.

— По пропускам?

— Ну да, — Бетти пожала плечами. — Это для тех, у кого высокий рейтинг. Или кто платит за дополнительный пакет.

Тера промолчала.

— А вот тут, — Бетти указала на скамейку у фонтана, — обычно тусуются старшекурсники. Советую туда не соваться в первую неделю.

— Поняла.

Они прошли ещё немного. Бетти рассказывала о расписа-

нии, о преподавателях, о том, у кого из профессоров лучше не спорить.

— Главное правило, — сказала Бетти, останавливаясь. — Не лезь к Итану Картеру. И к его компании. У них здесь свои порядки.

— А если я всё же полезу? — спросила Тера.

Бетти посмотрела на неё с удивлением. Потом улыбнулась.

— Ты смешная. Пойдём уже, смеркается.

Они вернулись в комнату, когда за окном совсем стемнело.

Тера достала пижаму — старую, застиранную, но такую родную — и переоделась. Бетти тем временем нанесла какой-то ночной крем на лицо и завернулась в шёлковый халат.

— Ты спишь с включённым светом или без? — спросила Бетти.

— Без.

— Хорошо. Я тоже.

Они легли в свои кровати. Повисла тишина.

— Бетти, — позвала Тера.

— М?

— Спасибо, что взяла меня к себе.

— Не за что, — ответила Бетти. — Спокойной ночи, Тера.

— Спокойной ночи.

Тера закрыла глаза.

Первый день в «Голден Куилл» закончился.

Впереди была учёба. Новые знакомства. И этот нахал в белой рубашке — Итан Картер.

«Посмотрим, кто кого», — подумала Тера, засыпая.

Конец второй главы.

Глава 3

Глава 3. «Платье и день рождения»

Утро понедельника началось с будильника.

Тера открыла глаза и секунду смотрела в белый потолок, вспоминая, где она. Потом реальность вернулась: «Голден Куилл». Первый учебный день.

Бетти уже сидела за столом перед зеркалом. Перед ней выстроился целый арсенал: тональный крем, тени, тушь, хайлайтеры — Тера половины слов даже не знала.

— Ты всегда так долго собираешься? — спросила Тера, натягивая джинсы.

— Красота требует жертв, — Бетти красила ресницы, не отрываясь от зеркала. — Ты бы тоже не помешала... ну, хотя бы тональный.

— Я как-то без этого жила.

— Это заметно.

Тера засмеялась. Бетти тоже улыбнулась — она явно не хотела обидеть.

— Бетти, — спросила Тера, завязывая волосы в хвост. — Почему ты на журналиста поступила? Разве факультет бизнеса не лучше? Ты же на платном учишься, у твоих родителей есть возможность оплачивать.

Бетти отложила кисточку. Её лицо на секунду стало серьёзным. Она посмотрела в зеркало, но не на себя — сквозь себя.

— Знаешь, Тера... у меня родители строгие. Точнее, отец.

Она помолчала. Тера не торопила.

— У меня есть брат. Лукас. Он старше на два года, — Бетти говорила тихо, будто боялась, что кто-то услышит. — Он всегда был любимчиком отца.

— Что значит «любимчиком»?

— Отец брал его с собой на встречи. На деловые ужины. В поездки. Они могли часами говорить о бизнесе, о планах, о будущем. А я... я просто была. Существовала где-то на фоне.

Тера слушала, не перебивая.

— Я помню, как в детстве я нарисовала картину. Мне было лет семь. Я очень старалась. Прибежала к отцу показать. А он даже не посмотрел. Сказал: «Иди поиграй, у меня важный звонок». И всё. А Лукасу он купил настоящий ноутбук, когда тому было десять. Сказал: «Он должен учиться».

— А ты? — тихо спросила Тера.

— А мне купили куклу, — Бетти усмехнулась горько. — Которую я даже не просила.

Она встала, подошла к окну.

— Знаешь, что самое обидное? Даже брат... он не поддерживал меня никогда. Он всегда был на стороне отца. Всегда. Если отец говорил, что я должна учиться на бизнес-факультете, Лукас кивал. Если отец говорил, что я должна пойти на бал, Лукас говорил: «Слушай отца». Если отец решал, что мне не нужно куда-то ехать, Лукас просто пожимал плечами: «Отец лучше знает».

— Он никогда не заступался за тебя?

— Никогда, — голос Бетти дрогнул. — Я ждала. Всё детство ждала. Думала, может, он увидит, как мне больно. Как отец проходит мимо меня, как будто я прозрачная. Как мама вздыхает, но ничего не говорит. Думала, может, Лукас хоть раз скажет: «Пап, может, спросим у Бетти, чего хочет она?»

— И?

— И ничего, — Бетти покачала головой. — Он всегда соглашался с отцом. Всегда. Я для него была... просто сестра. Которая должна делать то, что велят.

Она повернулась к Тере. В её глазах блеснули слёзы, но она не плакала. Она держалась.

— Я не помню, чтобы отец сказал мне «я горжусь тобой». Ни разу. Даже когда я получила награду по литературе в школе. Он просто сказал: «Хорошо. А теперь займись математикой, она важнее». А Лукас... он даже не пришёл. У него была тренировка по теннису.

Тера хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

— А в этом году... — Бетти замолчала, собираясь с мыслями. — Я сказала, что не пойду на бизнес-факультет. Что хочу на журналистику.

— И что отец?

— Он сказал, что я неблагодарная. Что он столько в меня вложил, а я плюю в его сторону. Сказал, что если я такая самостоятельная, пусть сама платит за учёбу, — Бетти сглотнула. — Мама уговорила его оплатить хотя бы первый год. Но он сказал: «Это последний раз, когда я трачу на тебя деньги. Дальше сама».

— А брат?

— Лукас даже не позвонил. Прислал сообщение: «Ты дура. Папа прав». — Бетти усмехнулась. — Вот такая у нас семья.

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Знаешь, Тера, я не жалею, что пошла на журналистику. Здесь я хотя бы могу писать правду. И никто не говорит мне, что я должна думать. Впервые в жизни я делаю то, что хочу сама.

Она посмотрела на Теру долгим взглядом.

— Не рассказывай никому, ладно? Это не для чужих

ушей.

— Никому, — твёрдо пообещала Тера. — Бетти... мне жаль.

— Не надо меня жалеть, — Бетти вздохнула и снова взяла тушь. — Я уже привыкла. Ладно, хватит грустить. Собирайся, первый курс ждёт.

Они вышли из комнаты и пошли по длинному коридору. Бетти сверялась с картой на телефоне.

— Вот твой первый курс, — сказала она, останавливаясь у двери с табличкой «Aud. 107. Journalism, Freshman».

— Я буду в другом кабинете, у меня лекция по теории масс-медиа.

— Удачи, — сказала Тера.

— И тебе. Не опозорься.

Бетти подмигнула и ушла.

Тера глубоко вдохнула, открыла дверь и зашла.

В аудитории было человек двадцать. Дорогая одежда, уверенные лица. Никто не смотрел на Тера — все были заняты собой. Она быстро нашла свободное место в третьем ряду у окна и села.

Через минуту вошёл преподаватель — мужчина лет пятидесяти в очках и строгом костюме.

— Good morning, — сказал он с лёгкой улыбкой, окидывая взглядом аудиторию. — Меня зовут Мистер Стоун. Добро пожаловать на вводный курс по основам журналистики.

Он включил проектор. На экране появилось слово: «Источники информации».

— Сегодня поговорим о том, откуда журналист берёт факты, — продолжал Мистер Стоун, расхаживая между рядами. — Как проверить, можно ли доверять источнику? Как отличить первичную информацию от вторичной? И почему нельзя полагаться на один источник, даже если он кажется надёжным.

Он щёлкнул слайд. На экране появилась схема с кружочками и стрелками.

— Представьте, что вы пишете статью о протестах в центре города. Вы нашли одного свидетеля. Он говорит, что всё было спокойно. Вы напишете «было спокойно»?

Аудитория молчала.

— Нет, — сказала Тера тихо, но уверенно.

Мистер Стоун повернулся к ней.

— Почему?

— Потому что один свидетель — это не доказательство, — ответила Тера. — Нужно минимум два независимых источника. А лучше три.

Мистер Стоун улыбнулся шире.

— Кто-то уже читал учебники. Как вас зовут?

— Тера.

— Запомните имя, — сказал Мистер Стоун остальным студентам. — Тера будет задавать вам темп.

Тера почувствовала, как на неё обернулись несколько пар глаз. Кто-то с интересом. Кто-то с лёгкой завистью.

Лекция продолжилась. Мистер Стоун рассказывал о первичных и вторичных источниках, о перекрёстной проверке фактов, о том, как журналисты работают с документами. Тера записывала каждое слово.

Она чувствовала: здесь — её место.

Когда лекция закончилась, Тера вышла в коридор. Бетти уже ждала её, прислонившись к стене.

— Ну как? — спросила она.

— Всё отлично, — Тера улыбнулась. — Преподаватель интересный. Мистер Стоун.

— Да ладно? Повезло. А у нас такая скука...

— Пошли в столовую?

— Пойдём, я умираю с голоду.

Они пошли по коридору. Тера смотрела по сторонам — разглядывала портреты известных журналистов на стенах, доску объявлений, таблички с названиями факультетов.

И вдруг она увидела его.

Итан Картер шёл навстречу. В чёрном костюме, с телефоном в руке, окружённый двумя такими же холёными парнями.

Их взгляды встретились.

На секунду.

Итан резко отвернулся — словно увидел пустое место. Но Тера заметила: он узнал её.

В этот раз они прошли мимо молча.

— Ты чего застыла? — спросила Бетти.

— Ничего, — ответила Тера. — Показалось.

Столовая оказалась такой же шикарной, как и всё в этом

университете. Длинные столы из светлого дерева, живые цветы на каждом столе, а в меню — не просто каша и компот, а паста, салаты с креветками и три вида соков.

Тера взяла самый скромный завтрак: овсянку и чай. Бетти заказала омлет с лососем и латте.

— У меня на следующей неделе день рождения, — сказала Бетти, отпивая кофе. — Хочу устроить вечеринку. Ты можешь прийти?

— Где?

— Будет в малом зале для мероприятий, на первом этаже. Там классный свет и акустика.

— Разве здесь можно устраивать вечеринки? — удивилась Тера.

— Конечно нет, — Бетти усмехнулась. — Но я обо всём договорюсь. Связи решают всё.

Тера опустила взгляд в чашку.

— Прости, Бетти, я не могу.

— Почему?

Тера опустила глаза. Как объяснить, что ей страшно? Что она будет чувствовать себя чужой среди этих богатых студентов в их дорогих нарядах? Что ей стыдно признаться даже Бетти — потому что Бетти из этого мира, и она может не понять.

— Я обещала родителям хорошо учиться, — сказала она тихо. — Боюсь, что не выучу материал, если отвлекусь.

Бетти посмотрела на неё внимательно, но ничего не сказала. Она не стала давить.

— Ладно, я тебя поняла, — вздохнула Бетти. — Но я очень хочу, чтобы ты пришла.

Тера ничего не ответила.

Прошла неделя.

Тера и Бетти неожиданно легко сдружились. Они вместе ходили на лекции, вместе обедали, по вечерам смотрели фильмы — Бетти включала что-нибудь романтическое, Тера

ворчала, но под конец всё равно плакала.

Они делали маски для лица: Бетти мазала Теру какой-то голубой глиной, а потом они обе хохотали над тем, как это выглядит.

Бетти учила Теру пользоваться тенями.

— У тебя хорошая форма глаз, — говорила она, водя кисточкой. — Если правильно подчеркнуть, будет вау.

— Мне и так нормально.

— Тебе и так серо.

Но Тера чувствовала: Бетти говорит это без злости. Так говорят только настоящие подруги.

Они вместе гуляли по вечерам, болтали обо всём на свете. Тера слушала и удивлялась: за маской богатой девочки скрывалась совсем другая Бетти.

За день до дня рождения Бетти зашла в комнату с загадочным видом.

— Тера, — сказала она. — Может, ты всё-таки придёшь?

Тера отложила учебник.

— Бетти, я даже не знаю...

— Ну пожалуйста, — Бетти сложила руки на груди. — Очень-очень прошу.

— У меня даже одежды нет подходящей, — призналась Тера.

Бетти просияла.

— Если только в этом проблема — я её решу. Хочешь, я дам тебе свою одежду? У меня полно платьев, которые ни разу не надевала.

Тера хотела отказаться.

— Или лучше, — Бетти вскочила с кровати. — Давай выберем тебе в магазине!

— Бетти, не стоит...

— Всё, собирайся! — Бетти уже хватала ключи. — Я вызвала такси. Поедем прямо сейчас.

Тера не успела и слова вставить.

За окном такси светило солнце. Тера сидела на заднем сиденье, смотрела на проплывающие мимо дома и думала.

К чему это всё приведёт?

Она не знала ответа.

Такси остановилось у торгового центра. Бетти выскочила первой, потянула Тера за руку.

— Идём, идём, я знаю тут один потрясающий бутик.

Они зашли в магазин. Тера никогда не была в таких местах. Всё вокруг сияло: хрустальные люстры, зеркальные стены, вещи на манекенах, которые стоили как мамина зарплата за полгода.

Бетти радостно бегала между вешалками, хватала наряды, прикладывала к Тере.

— Смотри, как тебе это? А это? Нет, это лучше! А тут такие красивые вырезы! Тера, смотри!

Тера стояла посреди этого великолепия, как заворожённая.

Бетти подошла с целой охапкой платьев. Тера опустила глаза на ценник и... заметно округлила их.

Она стыдливо подалась вперёд и прошептала Бетти на ухо:

— Я не смогу это оплатить. Даже если у родителей попрошу — им не хватит. Даже на одно платье.

Бетти отмахнулась.

— Успокойся. Я это оплачу. Давай, примерь хотя бы. Очень хочу посмотреть.

— Ладно, — сдалась Тера.

Она взяла одно платье — чёрное, длинное, с тонкими бретелями — и скрылась за шторкой примерочной.

Через минуту она вышла.

Платье сидело на ней невероятно красиво. Тонкий шёлк струился по фигуре, подчёркивая талию и плавные изгибы. Декольте было открытым, но не вульгарным — скорее смелым, как будто платье говорило: «Я знаю, что ты красивая, не прячься». Ткань переливалась на свету, отливая то синим, то глубоким фиолетовым. Длинный разрез сбоку открывал ногу, когда Тера делала шаг.

Она выглядела... другой.

— Ва-а-ау! — Бетти аж подпрыгнула. — Тера! Я в шоке! Ты просто... нет, ты неотразима!

Тера засмеялась — смущённо, но счастливо.

— Бетти, прошу, не надо. Я даже если устроюсь на работу и займу у родителей — не смогу тебе вернуть такие деньги. Давай пойдём отсюда. Прошу. Пожалуйста.

Она быстро переоделась, вышла из примерочной и грустно направилась к выходу.

— Идём, Бетти, — сказала она тихо.

Бетти вздохнула.

— Подожди в такси. Я скоро буду.

Тера вышла на улицу, села в машину и уставилась в окно.

Минут через десять Бетти вышла из магазина с несколькими пакетами. Забралась в такси и протянула Тере один из них — самый большой.

— Это тебе. И не думай, что ты мне должна.

Тера заглянула в пакет.

Там было то самое чёрное платье.

Она впала в ступор. Открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

— Только надень его на вечеринку, — сказала Бетти. — Ладно?

Такси тронулось. За окном проплывал город. Тера сжимала пакет с платьем и не знала, что сказать.

В груди разрасталось странное, тёплое чувство.

Она никогда не думала, что у неё может быть такая подруга.

Конец третьей главы.

Глава 4

Глава 4. «День рождения»

Вечеринка была в самом разгаре.

Малый зал для мероприятий на первом этаже оказался больше, чем Тера ожидала. Мягкий свет, длинные столы с закусками, барная стойка с бокалами. Музыка играла негромко, создавая праздничное настроение.

Тера стояла у входа, сжимая в руке маленькую коробочку с подарком. На ней было то самое чёрное платье. Она всё ещё чувствовала себя немного неловко, но Бетти была права — платье сидело идеально.

— Тера! — Бетти подбежала к ней, сияющая, в коротком золотом платье. — Ты пришла! Я так рада!

— С днём рождения, — Тера протянула коробочку. — Это тебе.

— Ой, спасибо! — Бетти быстро заглянула внутрь и просияла. — Духи! Какие красивые! Откуда ты знала, что я такие люблю?

— Угадала, — улыбнулась Тера.

Бетти обняла её и потащила внутрь.

— Пошли, я познакомлю тебя с ребятами.

Они подошли к небольшой группе девушек, которые стояли у столика с закусками. Высокая блондинка с добрыми глазами первой протянула руку.

— Привет, я Лекси. А ты?

— Тера, — ответила та, пожимая ладонь.

— Тера? Красивое имя, — Лекси улыбнулась. — Ты откуда?

— Из небольшого городка, ты наверняка не слышала, — Тера смутилась.

— Ну и ничего страшного, — Лекси махнула рукой. — Главное, что ты здесь. Как тебе университет?

— Очень нравится, — честно ответила Тера. — Преподаватели интересные. Особенно Мистер Стоун.

— О, да, он легенда, — вставила другая девушка. — А лекции уже начались?

— Да, на этой неделе. Очень насыщенно.

— А ты давно здесь? — спросила Лекси.

— Первокурсница, — ответила Тера. — Только приехала.

— Круто! А с Бетти как познакомились?

— В очереди на заселение, — Бетти рассмеялась. — Там такая история была...

Девушки болтали, смеялись. Тера постепенно расслабилась. Лекси оказалась очень приятной, вопросы задавала обычные — без подвоха. Никто не спрашивал про бюджет, про платье, про деньги. Тера почувствовала, что здесь, в этом кругу, ей может быть хорошо.

Но тут она заметила его.

Итан Картер стоял у барной стойки, с бокалом в руке, окружённый своими друзьями. Он о чём-то говорил, усмеялся, но его взгляд то и дело скользил по залу.

— Бетти, — тихо сказала Тера, дёргая подругу за рукав.
— Зачем ты его пригласила? Он меня напрягает.

— Ну что здесь такого? — Бетти пожала плечами. — Как я могла его не пригласить? Мы же из одного круга. Его отец и мой отец знакомы. Это было бы странно, если бы его не позвала.

— Могло бы быть и не странно, — пробормотала Тера.

— Расслабься, — Бетти сжала её руку. — Просто не обращай на него внимания. Пожалуйста.

— Ладно, — вздохнула Тера.

Но она чувствовала — спокойствием здесь и не пахнет.

Через полчаса Итан направился в их сторону.

Он шёл не спеша, с бокалом красного вина в руке. Тера смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Что-то было в том, как он двигался, как держал бокал, как свет падал на его лицо. Она поймала себя на мысли, что рас-

сматривает его — линию челюсти, скулы, пальцы, обхватившие ножку бокала. Прекрати, — одёрнула она себя.

— Бетти, — сказал он, остановившись напротив. — С днём рождения.

— Спасибо, Итан, — Бетти улыбнулась натянуто.

Он кивнул и перевёл взгляд на Тера. Их глаза встретились. На секунду Тера забыла, как дышать.

Он не отводил взгляд. В его глазах не было привычной холодной насмешки. Что-то другое — любопытство? Интерес? Тера не могла разгадать. Он словно видел её впервые.

— А это кто с тобой? — спросил он, не оборачиваясь к Бетти.

— Это Тера, моя соседка, — быстро сказала Бетти. — Она первокурсница.

— А, — Итан усмехнулся. — Та самая.

— Какая «та самая»? — спросила Тера, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Итан не ответил. Он сделал глоток вина и вдруг сделал шаг вперёд, словно оступившись.

Бокал наклонился.

Красное вино выплеснулось прямо на чёрное платье Теры. Тёмное пятно расплылось по груди, капли попали на руки.

— Ай! — Тера отскочила, но было поздно.

— Ой, — Итан усмехнулся. — Извини. Я случайно.

— Случайно? — Тера посмотрела на него горящими глазами.

— Ну да, — он пожал плечами. — Бывает.

Тера почувствовала, как внутри всё закипело. Она смотрела на него — на его усмешку, на его спокойное лицо — и злость затмила всё остальное.

— Ты что, совсем больной? — выпалила она, глядя ему прямо в глаза. — Ты себе много позволяешь. Думаешь, что тебе всё сойдёт с рук, потому что у тебя папа богатый? Что можно унижать людей, проливать на них вино и даже не извиниться?

— Тера, не надо, — прошептала Бетти, дёргая её за руку.

Но Тера не слышала.

— Из-за своего отца ты считаешь себя пупом земли, — продолжала она, уже не контролируя себя. — Ты унижаешь других, потому что тебе всё позволено. Ты даже не представляешь, каково это — когда над тобой смеются, когда на тебя смотрят как на грязь. А ты сам делаешь то же самое!

— Тера, хватит! — Бетти дёрнула её за рукав.

Но Тера стряхнула её руку.

— Знаешь, что, Итан? — крикнула она. — Ты никто. Ты просто никто. Без своего отца, без его денег, без его связей ты — пустое место. И все это знают, просто молчат, потому что боятся. А я не боюсь! Я не буду молчать!

Вокруг начали перешёптываться. Кто-то засмеялся. Кто-то покачал головой.

Итан шагнул к Тере. Его лицо было бледным, глаза горели. Он сжал бокал так сильно, что костяшки побелели.

— Ты меня вообще не знаешь, — сказал он тихо, но в голосе чувствовалась угроза. — Ты слышала какие-то сплетни и решила, что имеешь право меня судить.

— Я знаю достаточно, — ответила Тера, но голос её дрогнул.

— Ты ничего не знаешь, — Итан сделал ещё шаг. — Ничего. Ты понятия не имеешь...

Он сжал бокал. Стекло треснуло. Трещина поползла вверх, и в следующую секунду бокал разлетелся на куски.

Осколки сверкнули в воздухе, падая на пол с хрустальным звоном. Красное вино разлилось по руке Итана, смешиваясь с кровью. Тера увидела, как по его пальцам течёт тонкая струйка — тёмно-красная, почти чёрная в тусклом свете.

Вокруг ахнули. Кто-то отшатнулся.

Итан не обращал внимания. Он смотрел только на Теру.

— Ты перешла черту, — сказал он тихо. — Ты очень пожалеешь об этом.

Он развернулся и пошёл к выходу. На руке блестела кровь.

Тера стояла, тяжело дыша. Вокруг было тихо. Все смотрели на неё.

Бетти молча взяла её за руку и повела прочь.

В комнате Бетти закрыла дверь и повернулась к Тере. Её глаза блестели от слёз, но в них была не только обида — была злость.

— Ты что устроила? — сказала она, и голос её дрожал. — Зачем? Зачем ты так публично его оскорбляла?

— Я сама не понимаю, — вырвалось у Теры. Голос её дрогнул. — Честно, Бетти. Я не знаю, как это всё произошло. Просто... внутри что-то щёлкнуло. Злость сама вышла наружу.

— Он пролил вино, — тихо сказала Бетти.

— Я знаю, — Тера опустила голову. — Это просто вино. Мелочь. А я... я наговорила ужасных вещей. Я слышала про него сплетни, и они всё это время сидели во мне. А когда он пролил вино... меня прорвало.

Она подняла глаза.

— Я не хотела. Я правда не хотела. Но слова вылетели сами. Я не успела их остановить.

Бетти молчала.

— Ты назвала его ничтожеством, — сказала она. — Сказала, что он никто без отца. Ты унизила его. При всех.

— Я знаю, — прошептала Тера. — И мне очень стыдно.

Бетти покачала головой.

— Какой бы он ни был — грубый, высокомерный, что угодно — ты не имела права так с ним разговаривать. Ты его не знаешь. Ты слышала сплетни и решила, что можешь его судить.

— Ты права, — сказала Тера. — Я была не права. Оскорблять человека при всех, унижать его перед его друзьями... это жестоко. Я понимаю.

— Праздник испорчен, — Бетти вытерла слёзы. — Я хотела, чтобы всё было идеально. А теперь все будут говорить

только об этом. И знаешь что? Многие будут на его стороне.

Тера опустила голову.

— Он тебя не простит, — сказала Бетти. — Никогда. Ты сделала то, что никто не делал. Ты ударила его в самое болезненное место.

— Я знаю, — прошептала Тера.

— Я тебя предупреждала, — Бетти покачала головой. — Говорила, что не стоит с ним связываться. А ты... ты сделала только хуже.

Тера молчала. Внутри поднималось что-то тяжёлое. Стыд.

— Я не хотела, — сказала она тихо. — Правда. Злость сама вышла наружу. Я не успела её остановить.

Бетти посмотрела на неё долгим взглядом.

— В следующий раз учись останавливать, — сказала она.
— Пока не поздно.

Она хотела что-то добавить, но в дверь постучали.

Три коротких стука.

— Кто там? — спросила Бетти, шмыгая носом.

— Это я, Лекси. Откройте.

Бетти открыла дверь. Лекси заскочила в комнату, глаза её горели.

— Девочки! Там такое было!

— Что? — Тера напряглась.

— Итан, — Лекси перевела дыхание. — Он очень зол. Сказал, что если Тера попадётся ему на глаза, она очень пожалеет. И он ушёл.

У Теры похолодело внутри.

— У него рука в крови была, — добавила Лекси. — Ему бинтовали в туалете. Он даже не моргнул.

Тера и Бетти переглянулись.

— Он ушёл? — переспросила Бетти.

— Ушёл, — кивнула Лекси. — Так что не переживайте. Вряд ли он вернётся сегодня.

Она подошла к Бетти и обняла её.

— Слушай, Бет, ну правда. Не плачь. День рождения у тебя, а не траур. Пойдёмте обратно. Там музыка играет, торт скоро принесут.

— Я испортила праздник, — прошептала Бетти.

— Ничего ты не испортила, — Лекси погладила её по спине. — Итан сам виноват. Он вечно лезет, куда не надо. А ты, — она повернулась к Тере, — ты смелая. Но в следующий раз лучше держись от него подальше.

— Я поняла, — тихо сказала Тера.

— Всё, девочки, умылись, успокоились — и пошли веселиться, — Лекси взяла Бетти за руку. — Идём?

Бетти вытерла слёзы, посмотрела на себя в зеркало и кивнула.

— Идём.

Они вернулись в зал.

Музыка снова играла. Гости танцевали, смеялись, будто ничего не случилось. Кто-то мельком посмотрел на Тера, кто-то отвернулся.

Бетти быстро втянулась в танцы. Лекси угощала всех тортом.

А Тера стояла у стены и не могла расслабиться.

Она всё время искала взглядом Итана.

Не потому, что хотела его увидеть. А потому, что боялась, что он вернётся.

Каждый раз, когда открывалась дверь, она вздрагивала. Каждый раз, когда кто-то громко смеялся, её сердце пропускало удар.

«Ты пожалеешь», — всплывали в голове его слова.

Она посмотрела на Бетти. Та улыбалась, танцевала с Лекси. Ей было весело.

Не буду её расстраивать, — решила Тера.

Она подошла к Бетти и тихо сказала:

— Я в комнату. Ненадолго. Приведу себя в порядок.

— Хорошо, — Бетти кивнула. — Ты только возвращайся.

— Обязательно.

Тера вышла в коридор.

В коридоре было тихо и пусто. Только тусклый свет ламп и её собственные шаги, гулко отражающиеся от стен.

Она шла медленно, всё ещё вздрагивая от каждого шороха.

«Ты пожалеешь», — крутилось в голове.

— Глупости, — прошептала она себе. — Он просто псих. Ничего он мне не сделает.

Но сердце колотилось быстрее.

И вдруг кто-то подошёл сзади, закрыл ей рот рукой и за-
тащил в тёмную аудиторию.

— Ммм! — Тера не успела крикнуть.

Её прижали к холодной стене. Свет из коридора падал на
ряды дорогих парт из светлого дерева, на огромную интерак-
тивную доску, на кожаные кресла для преподавателя. В воз-
духе пахло полировкой для мебели и дорогим парфюмом —
тем самым, который она уже узнавала.

Итан.

Его глаза горели. Дыхание было тяжёлым. На правой руке,
сжимавшей её плечо, она заметила бинт — белый, но уже
проступающий красным. Кровь сочилась сквозь марлю.

— Ну что, — прошептал он. — Осмелишься сейчас всё
в лицо сказать?

Тера смотрела на него. На его лицо — бледное, напряжён-
ное. На его глаза — тёмные, горящие. На бинт на его руке,
который он даже не чувствовал.

— Ты перешла все черты, Тера, — сказал он, и голос его вдруг сорвался на крик. — Ты очень пожалеешь! Ты ответишь за всё сказанное!

— Итан... — начала она, но голос сорвался.

— Ты думала, что можно безнаказанно унижать меня при всех? — кричал он, сжимая её плечи. — Что я стерплю? Что промолчу?

— Итан, перестань! — вырвалось у Теры. — Мне страшно! Я боюсь тебя!

Он замер.

Его руки, сжимавшие её плечи, дрогнули. Крик затих так же внезапно, как и начался.

— Я сделаю так, что ты вылетишь из этого университета, — сказал он тихо, но жёстко. — Ты здесь больше не появишься. Даже за деньги.

— Нет! — вырвалось у Теры. — Пожалуйста, не надо! Прошу тебя!

Он не отпускал. Его пальцы впивались в её плечи. Она

чувствовала тепло его рук даже через бинт.

— Пожалуйста, Итан, — Тера уже не сдерживала слёзы. — Мои родители... они меня не простят. Они столько в меня вложили. Работали днями и ночами. Если меня отчислят... я их подведу. Навсегда.

Он смотрел на неё. В темноте аудитории его глаза казались ещё темнее. Он смотрел на её лицо, на её губы, на слёзы, текущие по щекам.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо.

Тера не могла вымолвить ни слова.

Он поднял руку — ту, что была в бинте — и медленно, очень медленно, провёл пальцами по её щеке, стирая слезу. Бинт был шершавым. Тепло его пальцев пробивалось сквозь марлю.

Тера замерла. Сердце пропустило удар.

— Не бойся меня, — сказал он почти шёпотом. — Я не сделаю тебе больно.

Он убрал руку и сделал шаг назад.

— Я не хочу тебя больше видеть, — сказал он глухо. — Уходи. Пока я не передумал.

— Итан...

— Уходи, Тера. Пожалуйста.

Она вышла в коридор и почти побежала к лестнице.

Сердце колотилось. В голове не укладывалось.

Он угрожал мне отчислением. Он сжал мои плечи. А потом... стёр слезу. И сказал, что не хочет меня видеть. Что это было?

Она почти бежала по коридору, но мысли путались. Отчисление. Родители. Итан. Его глаза в темноте. Его пальцы на её щеке.

Почему он остановился? Почему не сделал то, что обещал?

Она не знала ответа.

Но что-то изменилось. Что-то между ними сдвинулось. И

она не была уверена, что это плохо. Он мог меня уничтожить. Но не сделал этого. Почему? Она боялась даже думать об этом.

Тера не помнила, как добралась до комнаты.

Легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Она всё ещё чувствовала его касание на своей щеке. Тёплое. Шершавое от бинта. Нежное.

Он не враг. Но и не друг. Кто же он тогда?

Это пугало её. И почему-то... согревало.

Конец четвёртой главы.

Глава 5

Глава 5. «Объяснение»

Тера проснулась оттого, что кто-то тряс её за плечо.

— Тера. Тера! Проснись!

Бетти сидела на краю кровати, вся напряжённая. Её лицо было бледным, глаза красными — будто она тоже не спала всю ночь.

— Что? — Тера села, протирая глаза. Голова гудела. Всё тело ломило.

— Ты сказала, что тебе надо в комнату, — голос Бетти дрожал. — Что ты вернёшься. Мы тебя ждали. Ждали. Потом пришли за тобой, а ты спишь. Как ты могла?

— Бетти, прости, — Тера опустила взгляд. — Я не хотела...

— Что случилось? — Бетти схватила её за руку. — Ты вся красная. Ты плакала?

Тера подняла глаза. В них стояли слёзы.

— Итан, — прошептала она.

— Итан? — Бетти нахмурилась. — Он же ушёл. Мы видели, как он ушёл. Он больше не приходил.

— Он схватил меня, — Тера говорила тихо, быстро, будто боялась, что кто-то услышит. — В коридоре. Затащил в пустую аудиторию. Сказал, что меня отчислят. Что таким, как я, здесь не место.

Бетти слушала, и её лицо менялось. Сначала недоверие. Потом ужас.

— Он сказал, что отчислят? — переспросила она.

— Да. Сказал, что завтра меня не будет в этом университете.

— Ну, вот он даёт, — Бетти покачала головой. — Успокойся. Я с ним поговорю. Не отчислят тебя.

Тера хотела что-то сказать, но в дверь постучали.

Три коротких стука.

Бетти открыла. На пороге стояла незнакомая девушка — строгая, в очках, с планшетом в руках.

— Тера Броун? — спросила она, заглядывая в комнату.

— Я, — ответила Тера, вставая с кровати.

— Вас вызывают к ректору. Через десять минут.

Девушка развернулась и ушла, не дожидаясь ответа.

Тера и Бетти переглянулись.

— Видишь? — прошептала Тера. — Он сдержал слово.

— Иди, — Бетти сжала её руку. — Не бойся. Я буду ждать.

Тера быстро оделась. Джинсы, свитер — всё, что попало под руку. Она не смотрела в зеркало. Боялась увидеть свои опухшие от слёз глаза.

«Родители меня не простят», — стучало в висках.

Она вышла в коридор. Каждый шаг давался с трудом. Стены давили. Свет ламп казался слишком ярким.

Она поднялась на третий этаж, где находилась приёмная ректора. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносились приглушённые голоса.

Тера постояла секунду, собираясь с мыслями, потом постучала и зашла.

Кабинет был большим. С высокими потолками, тяжёлыми шторами и портретами бывших ректоров на стенах. За массивным дубовым столом сидел мужчина лет шестидесяти — седой, с усталым, но не злым лицом.

Ректор.

А рядом с ним, прислонившись к подоконнику, стоял Итан. На правой руке — белый бинт. Он не смотрел на неё. Она смотрела в окно.

— Садитесь, мисс Броун, — сказал ректор. — Мистер Картер, подойдите тоже.

Тера села на стул напротив стола. Итан сделал шаг вперёд, но остался стоять — чуть сбоку, чтобы видеть и ректора, и

её.

— Вчера на дне рождения произошёл инцидент, — начал ректор. — Кто-то из гостей снял это на видео. Я его видел. Отец мистера Картера тоже.

Он посмотрел на обоих.

— Я вызвал вас, чтобы разобраться. Что произошло?

Тера опустила голову. Итан молчал. В кабинете повисла тишина — тяжёлая, давящая.

— Мисс Броун? — ректор посмотрел на неё.

Тера подняла глаза. Внутри всё дрожало, но она заставила себя говорить.

— Я... — начала она. Голос дрожал. — Я была не права. Он пролил вино. Это мелочь. А я... я накричала на него. Сказала ужасные вещи. Я оскорбила его при всех.

Она сглотнула.

— Мне очень стыдно. И я сожалею.

Ректор кивнул и повернулся к Итану.

— Мистер Картер?

Итан молчал несколько секунд. Тера заметила, как он сжал челюсть. Его лицо было напряжённым — будто он боролся с собой.

— Я тоже был не прав, — сказал он наконец. Голос был глухим. — Я спровоцировал её. Я пролил вино. Я должен был извиниться и уйти. А я... — он запнулся. — Я разбил бокал. Порезал руку. Устроил сцену.

Он сжал челюсть.

— Мне нужно было вести себя сдержаннее. Я не сдержался.

Ректор смотрел на них обоих.

— Отец мистера Картера, — сказал он, — хотел бы отчислить вас, мисс Броун. Он считает, что студентка на бюджете не имеет права так себя вести по отношению к его сыну.

У Теры перехватило дыхание. Она почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Отчисление. Всё, чего я боялась. Сейчас решится.

— Но прежде чем принимать решение, я хотел услышать вас обоих, — продолжал ректор. — И я слышу. Вы оба признаёте, что были не правы. Вы оба сожалеете.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Такое больше не повторится?

— Нет, сэр, — ответила Тера, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

— Нет, — тихо сказал Итан.

Ректор кивнул.

— Я верю вам. И я вас прощаю. Вы остаётесь в университете, мисс Броун. Я объясню это отцу мистера Картера.

Тера выдохнула. Воздух вдруг стал легче. Она не заметила, что задерживала дыхание.

— Но запомните, — ректор повысил голос, и в нём появилась сталь. — Если подобное повторится, я вылечу обоих.

Без разговоров. Вне зависимости от фамилий. Вам понятно?

— Да, сэр, — ответили они почти хором.

— Свободны.

Тера встала. Ноги дрожали. Она сделала шаг к двери, но Итан опередил её.

Он открыл дверь, пропуская её вперёд.

Они вышли в коридор. Итан уже собрался уходить, когда Тера окликнула его.

— Итан, постой.

Он остановился. Не обернулся.

Тера подошла ближе. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, он мог его услышать.

— Итан, — сказала она тихо. — Прости меня. Правда.

Он медленно повернулся. В его глазах была усталость, но

не холод. Что-то другое. Она не могла разгадать — что.

— Я не должна была так говорить, — продолжила Тера. — Никто не заслуживает, чтобы его так оскорбляли. Я тебя не знаю. Я слышала сплетни. И я... я просто разозлилась.

Она посмотрела на его руку. На бинт.

— И твоя рука... ты порезался. Из-за меня. Мне очень жаль. Искренне.

Итан молчал. Смотрел на неё. В коридоре было тихо — так тихо, что Тера слышала его дыхание. Ровное, спокойное.

— Я правда сожалею, — сказала Тера. — Я не хотела тебя унижать. Не хотела, чтобы ты пострадал.

Она сделала шаг ближе. Теперь их разделяло меньше метра.

— Спасибо, что не дал меня отчислить. Что не стал мстить.

— Я не хотел, чтобы ты думала, что я прячусь за папиной спиной, — сказал он тихо.

— Я так не думаю, — ответила Тера. — Теперь — нет.

Она помолчала. Свет из окна падал на его лицо, и она вдруг заметила, как он выглядит. Уставшим. Но не злым. Под глазами залегли тени — будто он тоже не спал всю ночь.

— Но твой отец... он может настоять на отчислении. Даже если ректор против.

Итан сжал челюсть.

— Я поговорю с ним, — сказал он.

Тера смотрела на него. На его лицо — бледное, уставшее. На его глаза — тёмные, но в них уже не было той ледяной пустоты. Что-то изменилось. Что-то между ними сдвинулось.

— Итан, — сказала она. — Ты простишь меня?

Он не ответил. Он просто смотрел на неё.

Его взгляд скользнул по её лицу: от глаз к губам, потом снова к глазам. Медленно. Внимательно. Тера почувствовала, как щёки начинают розоветь. Она хотела отвести взгляд, но не смогла. Что-то держало её на месте.

Итан сделал крошечный шаг вперёд. Не к ней — нет. Просто чуть ближе. Так, чтобы между ними оставалось меньше полуметра.

Он поднял руку — ту, что была в бинте — и медленно, очень медленно, провёл пальцами по её щеке. Бинт был шершавым. Тепло его пальцев пробивалось сквозь марлю.

Тера замерла. Сердце пропустило удар. Она боялась пошевелиться — казалось, что если она сделает хоть одно движение, этот момент рассыплется, как прошлогодний снег.

— Я подумаю, — сказал он тихо. Почти шёпотом.

Его пальцы задержались на её щеке на секунду дольше, чем нужно. Тера чувствовала его дыхание на своём лице. Тёплое. Близкое.

Он убрал руку. Сделал шаг назад. Но не отвернулся. Смотрел на неё ещё несколько секунд — и в его взгляде было что-то, чего Тера не могла прочитать. Сожаление? Надежду? Или просто усталость?

— И да, Тера, — сказал он, и в его голосе впервые за всё время мелькнуло что-то тёплое. — Это платье... тебе очень шло. Даже с вином.

Он развернулся и пошёл по коридору. Шаги звучали глухо, удаляясь, пока не затихли совсем.

Тера стояла, прижимая руку к груди. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть.

«Я подумаю», — крутилось в голове.

Что это значит? Что он думает? О чём? О ней? О том, чтобы простить? О том, чтобы забыть?

Она не знала. Но почему-то внутри разрасталось странное, тёплое чувство. Не страх. Не надежда. Что-то другое — то, чему она боялась дать имя.

Она поднесла руку к щеке, туда, где он касался. Кожа ещё хранила тепло его пальцев. Бинт оставил лёгкую шершавость.

Почему он это сделал? Почему не ушёл сразу?

Вопросы роились, не находя ответов.

Она медленно пошла к лестнице, всё ещё чувствуя его взгляд на своём лице — хотя его уже не было рядом.

Конец пятой главы.